

«АБСОЛЮТНАЯ ВОЙНА» – СИМВОЛ XXI ВЕКА

В.И. СПИРИДОНОВА

Научную разработку термин «абсолютная война» впервые получил в работе К. Шмитта с необычным названием «Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического»¹. Этот небольшой по объему труд вышел в 1963 г., в то время, когда в Советском Союзе широко обсуждалась идея «мирного сосуществования двух систем» – капиталистической и социалистической. Прошло менее двух десятилетий со времени окончания Второй мировой войны, в которой США и СССР были союзниками по «антигитлеровской коалиции». Появилось атомное оружие, которое, по всеобщему убеждению, должно было положить конец каким бы то ни было рассуждениям о реальном военном противоборстве сверхдержав.

И вот именно в это время появляется политико-философское произведение, которое предсказывает коренную трансформацию стратегии поведения ведущих игроков на мировой арене в конце XX – начале XXI в. Речь идет об изменении характера противостояния в мировом политическом поле, которое принимает форму перманентной во времени и всеохватной по масштабу войны. Она сменяет прежнюю практику существования человечества как чередование периодов войны и мира. Такой тип войны получает наименование **«абсолютная война»**. К. Шмитт исследует ее истоки, сущность и перспективы. Следует отметить, что «Теория партизана» немецкого исследователя была преддверием его главного труда «Понятие политического», которое составляет фундамент современной политической философии власти и господства. Основные постулаты «Теории партизана», однако, не были сразу осознаны и оценены научным сообществом. И это понятно, потому что реальные феномены, угаданные гением К. Шмитта, проявились в полной мере только сегодня.

В дополнение идей К. Шмитта современный мировой политический процесс демонстрирует новые качественные характеристики, непосредственно связанные с теорией «абсолютной войны». В частности, формируется новая форма колонизации, в основание которой положен так называемый **«моральный дискурс»**. Высказываются притязания на особую национально-политическую исключительность в рамках мирового сообщества, разделяющие человечество по линии «цивилизация–варварство». Возникают претензии на мировое господство – абсолютную мировую власть. И как завершение появляется особый тип лидерства – **абсолютный суверенитет**, или иначе, «гиперсуверенитет» с явными признаками **«всемирного патернализма»**.

Новый тип современной войны

Современная нам информационная война – последний по времени образец в типологическом ряду «абсолютных войн». Она есть проявление новой политической реальности XX в., которая порождает специфический феномен – идеологическую войну. Исходная матрица «абсолютной войны» постепенно выкристаллизовывалась из двух главных разновидностей войн прошлого века – гражданских войн и колониальных. В дальнейшем появились такие ее усовершенствования как холодная война и, наконец, – достижение новейшей эпохи – информационная война.

Несмотря на указанные вариации, суть разночтений сводится к тому, что по своему «идеальному типу» каждая из них есть, прежде всего, война ценностей. Ценность, однако, имеет собственную внутреннюю имманентную логику. И нее следует главное – отрицание ценности за противником, за другим, за противоположной стороной, что с неизбежностью требует уничтожения носителя иной ценности. Только так данная ценность может стать истинной ценностью, реализовать свой гештальт, освободившись окончательно от антиценности.

Войны нового типа коренным образом отличаются от классических, которые, как полагает К. Шмитт, закончились с крахом Вестфальской системы мироустройства, в основании которой лежала идея суверенитета государств, выступавших как главные субъекты мировой политики. Классические войны начинались, велись и заканчивались по определенному образцу. Для них были характерны определенные «условия игры», сравнимые с жесткими рамками проведения аристократических дуэлей и соблюдавшиеся всеми неукоснительно. Войны имели начало, кульминацию, которая разворачивалась в решающем сражении, и конец. Соответственно, можно было разделять эпохи существования народов на военные и мирные, что породило чаяния «вечного мира», установления равновесного и гармоничного человеческого существования.

Отличительной особенностью старого типа войн была так называемая регулярная и легальная основа всех военных действий. Противоборство в них шло не между народами, а между государствами, которых представляли в боевых действиях армии. Но армии – структуры регулярные и легальные, руководство которыми осуществлялось профессиональными военными. Одновременно существовало незыблемое правило нераспространения военных действий на гражданское население. Присутствовало разделение на «комбатантов» и «некомбатантов». Важнейшим следствием указанных моментов было то, что противник рассматривался **не как преступник, а именно как противник**, которого можно и должно уважать и которого не подвергали дискриминации и криминализации.

Подобного рода ограничения К. Шмитт именует «обереганиями». «Классические оберегаемые войны» составляли главную фигуру «долгого XIX века» вплоть до Первой мировой войны 1914 г. Ситуация стала меняться в течение так называемого «короткого XX века» (1914 – 1991), когда отработывалась и прорабатывалась методика и методология нового типа геополитических взаимодействий – того, что К. Шмитт определил как состояние «всемирной гражданской войны».

Новый миропорядок образует новую форму политического пространства – **пространства абсолютной враждебности**. Изменяются средства воздействия на противника. Уходит в прошлое «кодекс чести», и вместе с исчезновением прежних условностей и ограничений главной тактикой становится **моральное уничтожение противника**. Это – прежде всего его криминализация, дискриминация и диффамация. На место «дозированной вражды», ее релятивизации, которая в прежние времена допускала уважение противника, приходит ее абсолютизация. «Война абсолютной вражды не ведает никакого оберегания. Последовательное осуществление абсолютной вражды придает войне ее смысл и справедливость», писал по этому поводу К. Шмитт².

Объяснение лежит в плоскости той же логики «войны ценностей». Совокупность ценностей противника вторгается в «мою собственную сферу», а значит, враг становится абсолютным врагом и единственный способ противодействия – его абсолютное уничтожение. Враг превращается во врага глобально-универсального, абсолютного всемирного, или другими словами, беспристрастного, «общечеловеческого». Сегодня он именуется «врагом человечества», так же как ранее пролетарский вариант идеологической войны сформулировал идею «врага трудового народа».

Прототипом абсолютных войн, как считает К. Шмитт, были, с одной стороны, революционные марксистские войны, которые объявляли себя «войнами до победного конца», «до полного уничтожения противника». А с другой стороны, ими были колониальные войны. И те, и другие претендовали на всеохватность, на планетарный масштаб. Каждый тип, согласно теории немецкого философа, связан с одной из двух стихий – Суши и Моря, которые разделены как различные «стихийные пространства человеческой работы и военного столкновения между народами»³. Если целью первых было раздуть «пожар мировой революции», то вторые опирались на главное преимущество и фундаментальное основание цивилизаций Моря – технику, ибо, как замечает он, «море же враждебно человеку до тех пор, пока он стопроцентно не овладеет им технически... Приморский человек строит корабль и тем самым уже стопроцентно определяется техникой»⁴.

В соответствии с предпочтениями земной и морской стихий выработывались две идеологии, которые поддерживали абсолютную

агрессивность. Это, с одной стороны, «идеология всемирной революции», которой на определенном этапе придерживалась Советская Россия, а с другой стороны – не менее, если не **более всеохватная и наступательная техницистская идеология**, субъектом продвижения которой до сих пор победоносно являются США.

Главное же достижение современности состоит в том, что сегодня победила одна из них, непревзойденная по своей изощренности – техницистская идеология. Став гегемоном современного миропорядка, эта идеология по ценностной логике, о которой говорилось выше, естественно потребовала в ультимативном порядке упразднения любого конкурента на этом поприще – запрет на создание какой-либо иной идеологии, и прежде всего в политическом поле своего главного конкурента – России.

Другой важнейшей стратегической инновацией современной идеологической войны стало создание пространства для тайной политики. Все большее распространение получают скрытые, неявные тактики манипулирования, или, как мы говорим сегодня, тактики, применяющие «мягкую силу». Даже «горячие» стадии войны используют малозатратные акции «точечных ударов». Главной фигурой незримой борьбы в холодной войне является шпион и саботажник. **Обман становится главным средством, методом и методологией** идеологического типа войн. Возникает множество его разновидностей: пропаганда, дезинформация, зомбирование. Но главное – это то, что происходит формирование нового типа политического пространства – **«пространства измены» как обязательного атрибута таких войн**. В этом отношении «пятая колонна» есть нормальный побочный продукт экспансионизма техницистской идеологии.

Третье принципиально новое обстоятельство состоит в том, что в «идеологических войнах» «пространство измены» начинает использоваться в интересах так называемой «третьей силы». Старый, Вестфальский порядок не предполагал какой-либо силы, стоящей *над* государствами. Государства обладали высшим суверенитетом, именно они определяли направления внутренней и внешней политики, были ведущими субъектами международного порядка.

Но в современном мире ситуация коренным образом меняется. Создаваемая на наших глазах идеология глобализации предполагает, что возглавить процесс создания Нового мирового порядка должно самое могущественное государство современности – США. Америка сегодня выступает как некое «надгосударственное образование» – государство, которое управляет всеми другими государствами. США сегодня – та самая «третья сила», которая стоит над международным правом и порядком, легитимизирует или нет процессы внутри других стран.

Конечной целью «абсолютной войны» является тотальная управляемость мира, которая по логике скрытой тактики «мягкой силы»

называется продвижением демократии как высшей ценности. «Абсолютные войны» не имеют окончания. Это – войны non-stop. «Абсолютные войны» охватывают все население в целом, вовлекают весь народ, всю нацию. Это та картина мира, в которой мы живем последние десятилетия, являясь свидетелями бесконечного ряда «цветных революций», буквально сменяющих одна другую, и цепочка эта воистину уходит в дурную бесконечность. Каждая из них неизменно переходит в «гражданскую войну», реализуя тем самым сценарий «всемирности» данного состояния.

Моральный дискурс – новая идеологическая стратегия глобализации

Новым явлением современной глобализации, которое особенно явно проявилось с началом XXI в., стало смещение политического дискурса в сторону морализаторства.

Аксиомой политической философии является структурная целесообразность существования идеи врага, которая создает необходимое равновесие системы. Этот факт определяет неизбежность поиска нового номинанта на эту позицию всякий раз, когда прежний враг исчезает. Первые, еще концептуально неоформленные симптомы этого феномена, были провозглашены в римском сенате в знаменитом призыве «Карфаген должен быть разрушен!» С этого лозунга начиналось каждое выступление Катона Старшего. Римские политики, бывшие одновременно завоевателями мира, хорошо осознавали, что такой зачин консолидировал и мобилизовал коллективное бытие народа.

Инновацией современного мира является то, что «информационная война» значительно облегчает работу с непримиримыми оппонентами – сегодня необязательно уничтожать врага физически, достаточно уничтожить его морально. Это относительно поздняя вариация концепции «врага» К. Шмитта, которая стала возможной после удачной американской перифразы его учения, объявившей врагом номер один – Империю Зла. Именно это положило начало морализаторскому акценту старой теории. **Моральная дискредитация противника** стала новой политической стратегией современности. Другая сторона объявляется преступной и нечеловеческой: государства – «странами-изгоями», «странами-бандитами», «странами-разбойниками», люди – сборищем чудовищ, нелюдей. Такое явление объясняется западными исследователями радикальным изменением структурного поля международных отношений, которые функционируют сегодня в рамках системной моральной монополии на истину, которая определяется единственной сверхдержавой – США⁵.

Структура политического пространства, в котором действует этот мировой субъект, способствует такой монополии. В современной идеологии глобализации полностью отсутствует какой-либо намек на

возможность конкуренции с другими системами или проектами. Та стратегия действия, которую предлагает идея глобализации, априори считается абсолютной и стоящей выше какой бы то ни было альтернативы развития. «Отныне такие темы как рынок, индивидуализм или преследование частных интересов предстают не как выражение лучшего образа жизни, и даже не как самого лучшего, а как единственно возможного образа жизни»⁶, указывает профессор философии политики университета Оттавы К. Меллос. Морализм проекта глобализации доходит до того, что порой принимает религиозные формы почитания. Так, для американского исследователя Х. Кокса, воспевающего свободу как главную ценность современного мира, рынок приобретает сакральный характер и его роль сравнивается с ролью Господа Бога в отношении современного человечества⁷. Другой американский аналитик уподобляет иерархию потребительства божественной иерархии⁸.

Та же логика предполагает отождествление противников глобализации с «варварами», вообще врагами – Осью Зла, с которой постоянно борется «Добро», воплощенное сегодня в проекте глобализации и ее адептах. Но поскольку, по откровенному признанию Генри Киссинджера, «глобализация есть всего лишь другое название американской гегемонистской политики»⁹, мы фактически имеем дело с рождением нового мирового диктатора. От имени Добра творится Новый порядок, но идея порядка предполагает расширение **контроля** над всем тем, что выходит за пределы идеологии глобализации. Так подводится твердый идеологический фундамент под американскую Империю как носительницу и исполнительницу Нового порядка.

Новый абсолютный суверенитет

Ситуация сегодня такова, что фактическим суверенитетом обладает одна страна в мире – это США. Это состояние получило наименование американского гиперсуверенитета (*l'hypersouverainisme américain*)¹⁰. После того, как в период после холодной войны был разрушен двусторонний мировой консенсус, Америка встала на путь одностороннего применения силы во всех случаях, когда считалось, что безопасности страны что-то угрожает. Мир с этого момента должен был быть реконструирован по американским ценностям.

Как свидетельствуют западные исследователи, мы вступили в эпоху американского «абсолютного суверенитета» (*souveraineté absolue des Etats-Unis*)¹¹, который базируется на огромном силовом и военном преимуществе этой державы. По данным на 2004 г. в разных странах мира было размещено 400 тыс. американских военнослужащих¹². Под предлогом защиты национальных интересов, Вашингтон не просто обороняется, а насаждает повсюду «порядок, мораль и свободу»¹³.

Застрахованные и перестрахованные своим географическим положением, США могут легко вмешиваться в дела других стран и разжигать конфликты на чужой территории, ничем не рискуя, удаляясь после очередного вторжения к себе домой, за океан. Для стран, подвергшихся нападению, ситуация осложняется тем, что американцы никогда не имели детального опыта в области колониального управления, которым обладали классические европейские страны. И потому, запустив процесс, они не пытаются и не умеют его нормализовать. США не занимаются послевоенной организацией политического пространства. В результате вместо обещанного «порядка» возникает новый беспорядок. Как пишет Д. Давид, профессор Французского Института международных отношений, они никоим образом не являются «державой нового порядка, как они сами полагают... И потому абсолютный суверенитет США есть одновременно и миф, и большая опасность»¹⁴. Жесткое утверждение американской мощи, абсолютного американского суверенитета ведет в тупик.

Современные средства дистанционного управления, возникшие в результате информационной революции, усиливают подобные позиции и установки Америки. Если ранее было принято говорить о господстве военно-промышленного комплекса, то сегодня появился новый термин — «американский военно-цифровой комплекс» («*complexe militaire-numérique américain*»), характеризующий качественно новое состояние вооруженных сил¹⁵. Такие война и мир, управляемые из компьютерного центра, порождают новую разновидность колониальной империи — «империю без колоний» — империю без обязательного территориального присутствия в оккупированной стране.

Это дает основание говорить о возникновении еще одного атрибута абсолютного суверенитета и о новом его качестве — «цифровом суверенитете». Как пишет Пьер Беланже, автор одноименной книги, появившейся во Франции в 2014 г., «это означает, что нас ждет великий переворот, который положит конец нашей современной социальной и экономической модели»¹⁶. Пьер Беланже, известный аналитик Интернета и масс-медиа, директор французской интернет-сети Skysrock, обращает внимание на то, что «Франция и Европа в целом не владеют новым революционным процессом и не управляют им. Интернет и его службы полностью контролируются американцами»¹⁷.

Новейшая американская стратегия «мягкой силы» порождает новую оруэлловскую картину мира, которую европейские исследователи обозначили как особую пост-биполярную разновидность тоталитаризма — «мягкий цифровой тоталитаризм» (*soft-totalitarisme des réseaux numériques*)¹⁸. Они утверждают, что современная организация интернет-пространства фактически приобрела конфигурацию «американского спрута» (*Internet -la pieuvre américaine*)¹⁹.

В то же время Европа практически не осознает, что на ее глазах происходит формирование новой милитаристской силы – «военно-цифрового американского комплекса» («*complexe militaro-numérique américain*»). Европейское массовое сознание более озабочено проблемами изменения пола и гей-браков, чем этой грозной надвигающейся на весь мир опасностью. Единственная страна, которая пытается сегодня как-то сопротивляться надвигающемуся американскому «софт-тоталитаризму», – это Китай.

Стоит ли добавлять, что в том же полубессознательном состоянии находится и правящая элита России, которая во всем смотрит на реакцию Европы и считает такую реакцию эталонной. Очевидно, что в таком случае, последствия для нашей страны могут оказаться куда более плачевными, чем для Европы – сателлита и друга США.

Косвенным следствием такого положения дел для европейцев и для остальной части мира тем более является то, что все они оказываются в ситуации «подвластных», целиком и полностью зависимых от США, которые уже сегодня обладают такой разновидностью абсолютной власти как абсолютная власть над виртуальным миром. Совершенно очевидно, что информационные услуги будут составлять ключевой фактор грядущей мировой конкуренции. Вызов, который формируется сейчас, настолько серьезен, что он требует поиска решения, которого никогда еще не существовало в истории. Сложность дилеммы состоит в том, что классическая теория суверенитета базировалась на контроле над определенным ограниченным физическим пространством. Но в виртуальном пространстве сама открытость пространства является его сущностным принципом. От возможности разрешения этого парадокса зависит судьба всех стран современного мира.

Огромные цифровые сетевые конгломераты управляют всеми современными процессами и экономическими потоками. Все они на сегодня принадлежат США. Это – Google, Apple, Amazon, Facebook, Microsoft. О масштабности каждого из этих техногигантов можно судить хотя бы по такому моменту: считается, что Google по экономическим показателям заместил собой Детройт. Потери американской экономики от сложностей в автопроме с лихвой окупает одна эта компания. А вместе с Apple, Yahoo, Microsoft и пока еще небольшой с точки зрения доходов сетью Facebook, они могли бы полностью заместить всю автоиндустрию в целом²⁰. «Большая четверка» (Amazon, Apple, Google, Microsoft) способна составить компанию, которая контролировала бы триллионы долларов. И это притом, что большая часть их прибыли была заработана всего лишь за последние десять лет²¹. Недаром эти конгломераты окрестили «технологическими империями», и о них ходят легенды, лейтмотивом которых является несомненный мессианский посыл – «страсть и вера в то, что они посланы изменить мир»²². Их называют «великими силами поколения веба»²³.

Однако это те мастодонты, услугами которых мы ежедневно пользуемся, и которые стали для нас настолько привычными, что мы даже не задумываемся об их национальном происхождении и о скрытых в них функциях. Это — удобные и на первый взгляд невинные орудия прогресса, благодаря которым мы оставляем в сети каждодневную и подробную информацию о себе через звонки, «клики», консультации, платежные карты. Но проблема в том, что перечисленные сверхконгломераты способны использовать в будущем всю эту информацию для своих целей. Ведь это именно те формирования, которые смогут осуществлять и, как показала политическая реальность последних лет, осуществляют шпионаж, сбор персональных и коллективных данных, управление политико-экономическими и промышленными рычагами, причем этот могучий арсенал американских гигантов функционирует рука об руку с сердцевиной военных ведомств — разведывательными суперагентствами и Пентагоном. Они поистине как гигантский спрут охватывают всю планету.

П. Беланже в своей книге прекрасно показывает, какую «золотую мину, представляет этот массив данных», накопленный веб-гигантами²⁴. Механизм работы новых техноимперий таков, что он в любой момент может опрокинуть всю европейскую экономику, административную систему, страхование, банковскую систему и здравоохранение. Благодаря информации, которая собрана этими конгломератами, прежний рынок, формируемый пресловутой «невидимой рукой» в результате «слепых» случайных разрозненных действий отдельных субъектов, исчезает. Он превращается во вполне «сознательный», «управляемый» рынок, посредником в котором выступают эти самые сверхконгломераты. Они, таким образом, получают над рынком полное господство и могут использовать его исключительно для своей пользы. Следует учесть также, что к настоящему времени порядка 60% всех занятых в Европе так или иначе связаны контрактами с информатикой. Это означает, что на наших глазах складывается новый господин мира, обладающий невероятной властью, — новый «цифровой Левиафан» (*le Léviathan numérique*)²⁵.

Этот господин мира формируется вовсе не на «либеральных» принципах минимального государственного участия. Напротив, как свидетельствует П. Беланже, он образуется на основе тесного, патристического по сути, сотрудничества между государством, военно-промышленным комплексом и частным меркантилизмом. Вообще миф о том, что США — это «либеральное» государство, в котором господствует антиэтатизм, замечает французский аналитик Г. Фай, — это «чудовищная ложь». В США, действительно, нет социального государства европейского типа, но зато там есть «Государство-драйвер», «Государство-лоцман» кольтертистского протекционистского типа (*l'état-pilote du colbertisme*)²⁶.

Пришло время задуматься над этой проблемой и для России. Отказ от обретения самостоятельности в цифровой сфере сегодня равносильно отказу от контроля над книгопечатанием во времена его распространения или же отказу от создания собственного флота в эпоху морской торговли, или, наконец, отказу от строительства железных дорог после изобретения паровоза. Но времени для реагирования катастрофически мало по сравнению с технологическими революциями в области пара и электричества. «Революция цифры» приносит в мир невиданные ранее скорости вторжения. В случае с потерей «цифрового суверенитета» следует реагировать чрезвычайно быстро, потому что мы имеем дело с крайне агрессивным явлением «текучести», «разлива» процесса монополизации мирового суверенитета самой мощной страны планеты.

США как домоправитель новой мировой семьи

Либеральный миф о США как о стране принципиально антиэтатистской ориентации покоится на том факте, что внутреннее устройство этого государства строится на твердых федеративных принципах, с которыми непосредственно связаны фрагментация и дисперсия власти и авторитета внутри страны. Как известно, правительства штатов имеют там намного большую самостоятельность, чем крупные административные единицы в других странах мира. Логика принятия решений имеет направленность от локального уровня к уровню штата и только потом уже к центру – Вашингтону.

В этом смысле говорят о «слабом», т.е. фактически децентрализованном государственном устройстве. На это указывает Ф. Фукуяма, подчеркивая, что «американские государственные и общественные институты преднамеренно задуманы для ослабления или уменьшения государственной власти»²⁷, чтобы сократить вмешательство государства-администрации на местах.

Но «слабое» государство внутри страны нисколько не отменяет и не ослабляет озабоченности Америки своими «национальными интересами». Напротив, именно они положены во главу угла всей внешнеполитической деятельности. И в этом смысле принято говорить о внешне «сильном» американском государстве. Могущество единственной сверхдержавы мира сегодня настолько велико, что появляются самые неожиданные версии и интерпретации этой ситуации. Все они улавливают главное – опасность для всего человечества претензий на мировое господство, которые, нисколько не стесняясь, демонстрирует Америка.

Победа в холодной войне, Новый мировой порядок и однополярность мира поставили Америку в центр новой структуры мира. Сегодня говорят о формировании такой планетарной логики, в которой США предстают как глава, сильный домовладыка мировой

семьи, в которой мощный патернализм Вашингтона сочетается с инфантилизмом остальных стран-домочадцев. «Америка – мощная экономическая и военная держава, которая превращается в символ либидональной планетарной капиталистической администрации... Белый Дом – это домашний очаг, вокруг которого собираются члены мировой семьи, который они ненавидят, которому они подражают, которым они восхищаются и который они отвергают»²⁸, – в таком психоаналитическом ключе описывает положение дел французский социолог, профессор Института политических исследований в Провансе Рафаэль Лиожье.

Действительно, мы забываем об исконном органическом американском патернализме, связанном с почитанием отцов-основателей американского государства. Сегодня этот могучий глава планетарного семейства представляет собственную международную политику в качестве единственно законной «глобальной политики». Отсюда и разделение мира на тех, кто борется против американского господства и тех, кто предпочитает ему подчиняться. Американский **«всемирный патернализм»** нисколько не противоречит первоначальному конструктивному либерально-индивидуалистическому протестантизму. Напротив, за ширмой «свободы» и «конкуренции» легче скрыть патернализм как семейную тайну, классический англо-саксонский «скелет в шкафу».

Глобальное общество, построенное по принципу семьи, позволяет контролировать акты производства и потребления, стандартизировать желания, а это – главная цель «общества потребления», законнорожденного дитяти капитализма. И современная «глобальная политика» есть всего лишь планетарное расширение той патерналистской модели, которая занимает умы и сердца американцев. В этой новой мировой семье место родителей принадлежит Соединенным Штатам, а остальные страны, в зависимости от их поведения попадают либо в разряд плохих, непослушных детей, либо пай-мальчиков, которых венценосные родители гладят по головке и хвалят за хорошее поведение.

Оборотной стороной планетарного американского патернализма становится намеренная инфантилизация значительной части человечества. Что такое, по сути, «страны *неразвитого* Третьего мира»? Сама терминология развития предполагает различие между ребенком и взрослым, которое влечет за собой такие естественные реакции, как опеку, воспитание и наказание за «грехи».

Некоторые действия представителей стран Третьего мира трудно объяснить рационально. Они поддаются только психоанализу, пишет Р. Лиожье. Так, страны арабского Востока обладают достаточными ресурсами, чтобы обеспечить себе самостоятельность, по крайней мере, у себя дома. Однако они не используют этот шанс²⁹. Такова одна из аксиом психоанализа – неосознанное желание походить на родителей

с одновременным упорным отторжением их влияния. Европа в этой психоаналитической рамке видится как та сторона треугольника, которая, занимает место врача, усаживающего пациента на кушетку, чтобы проникнуть в глубины его бессознательного и «вылечить», исправить последнего.

Даже колонизация исторически мыслилась отчасти как выполнение функции исправления, «переделки» дикого человека нецивилизованного мира, «варвара». Сегодня Европа, продолжая ту же традицию, выступает как психо-моральная инстанция, производящая нормы человеческого права. «Идеология прав человека, таким образом, становится глобальным учебником психоанализа»³⁰, – восклицает Р. Лиожье. Патерналистская Америка, гуманистическая Европа и инфантилизированный Третий мир – таков современный психоаналитический треугольник, глобальная человеческая семья, замкнутая в своем извращенном мире.

Интерпретация американского комплекса превосходства в психоаналитических терминах, предложенная, в частности, Р. Лиожье, достаточно точно отображает взаимоотношения в мировом сообществе. Во всяком случае, удивительная податливость многих современных мировых игроков, обладающих немалым экономическим потенциалом, их очевидная зависимость от мнения США при внутреннем недовольстве многими действиями Америки – «прослушками» АНБ, чрезмерным применением военной силы, хаосом после цветных революций и т.п. – все это прекрасно передается либидональной картиной мироустройства. В то же время, это свидетельствует о моральной несостоятельности, как самих вершителей мира, так и их подопечных, ибо тем самым фактически дискредитируются, если не сказать уничтожаются, такие основы гуманизма, как Закон и Справедливость.

* * *

На наших глазах происходит превращение демократической риторики в банальный инструмент манипулирования общественным сознанием. Под лозунгом демократии по факту реализуется идея мирового господства. Проявляется один-единственный мировой лидер, который заявляет право на новый вид суверенитета – «абсолютный суверенитет», не считающийся с международным правом и действующий от имени «исключительности одной нации» и во имя ее интересов. На практике это означает, что формируется логика господина и раба. Происходит небезызвестное в истории вырождение демократии в тиранию. Свобода заменяется манипуляцией, плюрализм сверхцентрализацией и однополярным управлением.

Очевидно, что вызов, брошенный Россией единственной и могущественной сверхдержаве мира, которую отделяют всего лишь несколько мгновений от мирового господства, не мог не вызвать той

ялости, какую мы сегодня наблюдаем со стороны мирового гегемона. В то же время российские элиты и некоторая часть российского общества, все еще находятся под мощным влиянием идеологии «общечеловеческих ценностей». Вместе с тем можно констатировать, что сегодня, наконец, приходит осознание того, что России необходимо вернуть утраченный суверенитет, чтобы сохранить себя, свою целостность и национальную идентичность. Перед нами встают огромные задачи по восстановлению мощной экономики, военно-промышленного комплекса, национальной культуры, по созданию «цифрового суверенитета», без которых невозможно обеспечить национальную безопасность в современном мире. Тот патриотический подъем, которым живет ныне наш народ и государство, безусловно, может помочь создать прочный фундамент для выполнения этих задач. Время покажет, насколько правительство в состоянии использовать исторический шанс. Несомненно, одно: отстаивая свой собственный суверенитет, мы отстаиваем возможность самостоятельности других народов. Уничтожая однополярный мир, мы строим мир для всех.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Шмидт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. – М., 2007.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 174 – 175.

⁵ См.: Lione P. L'ennemi à l'âge des conflits asymétriques // Sociétés. 2003. № 80. P. 73 – 88.

⁶ Mellos K. L'idéologie de la mondialisation: redéfinition de la justice // Regards philosophiques sur la mondialisation. – Sainte-Foy (Québec), 2005. P. 36.

⁷ См.: Cox H. The Market as God: Living in the New Dispensation // The Atlantic Monthly. Washington 1999. Vol. 283. № 3. P. 18 – 23.

⁸ См.: Duvall. T. The New Feudalism: Globalisation, the Market, and the Great Chain of Consumption // New Political Science. 2003. Vol. 25. № 1. P. 81 – 97.

⁹ Latouche S. D'autres mondes sont possibles, pas une autre mondialisation // Revue du MAUSS. 2002/2. № 20. P. 82.

¹⁰ Badie B. Souveraineté et évolution des relations internationales (Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation) // Swiss Political Science Review. 2004. Vol. 10. № 1. P. 97.

¹¹ David D. Les souverainetés au temps de l'après-guerre froide (Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation) // Swiss Political Science Review. 2004. Vol. 10. № 1. P. 105.

¹² Ibid. P. 107.

¹³ Ibid. P. 105.

¹⁴ Ibid. P. 108.

¹⁵ См.: Faye G. Internet, la pieuvre américaine? – URL: <http://metapoinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html>

¹⁶ Bellanger P. La souveraineté numérique. – Paris, 2014.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ См.: Faye G. Internet, la pieuvre américaine? – URL: <http://metapoinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html>

¹⁹ Ibid.

²⁰ См.: Иванов М. Google, Microsoft, Apple, Amazon, Facebook – технологический коктейль будущего. – URL: <http://ivanov.mann-ivanov-ferber.ru/2009/12/google-apple-amazon-facebook-technologicheskij-koktejl-budushhego/>

²¹ См.: Осик Л. Технобитвы: Amazon, Apple, Google, Microsoft. – URL: <http://lifestyle.ru.msn.com/tech/технобитвы-amazon-apple-google-microsoft>

²² Эдвардс Х. Что объединяет создателей Apple, Google и Amazon. – URL: <http://www.forbes.ru/svoi-biznes-column/master-klass/76773-chto-obedinyayet-sozdatelei-apple-google-i-amazon>

²³ Berkeley J. Attention citizens! Apple, Google, Amazon, And Facebook Have Declared World War 3 // The Economist. 2012. 1 Dec. – URL: <http://www.businessinsider.com/apple-google-amazon-facebook-war-2012-12/>

²⁴ См.: Faye G. Internet, la pieuvre américaine? – URL: <http://metapinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html>

²⁵ Ibid.

²⁶ См.: Faye G. Internet, la pieuvre américaine? – URL: <http://metapinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html>

²⁷ Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. – М., 2006. С. 19.

²⁸ Liogier R. «Vers le familialisme global». La famille mondiale après l'État-nation // Cités. Paris. 2004. Vol. 2. № 18. P. 27.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 29.

REFERENCES

Badie B. Souveraineté et évolution des relations internationales. Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation. *Swiss Political Science Review*. 2004. Vol. 10. No 1, pp. 97–101.

Faye G. Internet, la pieuvre américaine? Available at: <http://metapinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html>

Cox. H. The Market as God: Living in the New Dispensation. *The Atlantic Monthly*. Washington. 1999. Vol. 283. No 3, pp. 18–23.

David D. Les souverainetés au temps de l'après-guerre froide. Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation. *Swiss Political Science Review*. 2004. Vol. 10. No 1, pp. 102–108.

Duval T. The New Feudalism: Globalisation, the Market, and the Great Chain of Consumption. *New Political Science*. 2003. Vol. 25. No 1, pp. 81–97.

Faye G. Internet, la pieuvre américaine? Available at: <http://metapinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html>

Fukuyama F. State Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century. Moscow, 2006 (trans. in Russian).

Ivanov M. Google, Microsoft, Apple, Amazon, Facebook – technological future cocktail. Available at: <http://ivanov.mann-ivanov-ferber.ru/2009/12/google-apple-amazon-facebook-technologicheskij-koktejl-budushhego/>

Latouche S. D'autres mondes sont possibles, pas une autre mondialisation. *Revue du MAUSS*. 2002/2. No 20, pp. 77–89.

Le Léviathan numérique. Available at: http://www.marianne.net/Le-Leviathan-numerique_a237847.html

Liogier R. «Vers le familialisme global». La famille mondiale après l'État-nation. *Cités*. Paris, PUF, 2004. Vol. 2. No 18, pp. 27–39.

Lione P. L'ennemi à l'âge des conflits asymétriques. Available at: *Sociétés*. 2003. No 80, pp. 73–88.

Mellos K. L'idéologie de la mondialisation: redéfinition de la justice. *Regards philosophiques sur la mondialisation*. Sainte-Foy. (Québec), 2005.

Osik L. Technobyte: Amazon, Apple, Google, Microsoft. Available at: <http://lifestyle.ru.msn.com/tech/технобитвы-amazon-apple-google-microsoft>

Schmitt C. Theory of the Partisan. Trans. in Russian by Yu.Yu. Korints. Moscow, Praxis, 2007. 304 p.

Berkeley J. Attention citizens! Apple, Google, Amazon, And Facebook Have Declared World War 3. *The Economist*. 2012. 1 Dec. Available at: <http://www.businessinsider.com/apple-google-amazon-facebook-war-2012-12/>

Edwards H. What unites the makers of Apple, Google and Amazon. Available at: <http://www.forbes.ru/svoi-biznes-column/master-klass/76773-chto-obedinyayet-sozdatele-i-apple-google-i-amazon>

Аннотация

В статье обсуждается понятие «абсолютная война», введенное К. Шмиттом во второй половине XX в. Показаны ее истоки, сущность и современные характеристики, такие как господство «морального дискурса» в мировой политике, формирование «пространства измены», феноменов «абсолютного суверенитета», «всемирного патернализма».

Ключевые слова: война, суверенитет, нравственность, глобализация, господство, доминирование, патернализм.

Summary

The article discusses the concept of «absolute war», introduced by K. Schmitt in the second half of the 20th century. It shows its origins, nature and modern characteristics such as the dominance of «moral discourse» in international politics, the formation of a «space of betray», the phenomena of «absolute sovereignty», «worldwide paternalism».

Keywords: war, sovereignty, morality, globalization, world power, domination, paternalism.